

Куда идти и что делать?

1873, источник: [здесь](#). Эта рукопись Бакунина не была еще опубликована нигде, кроме французского издания "Государственности и Анархии" Артура Ленинга. Здесь Бакунин рассуждает на тему "чем должен заняться революционер?", затрагивая также тему "ходьбы в народ" и роли наук и ученых в революционном движении.

Неизданная рукопись Михаила Бакунина

Если бы спросили, за все время прошедшее после Декабрьского бунта по настоящий день, что такое русский революционер? Мы должны бы были отвечать: Человек, большею частью юноша, вечно порывающийся и стремящийся но никогда ничего не достигающий, вечно толкующий резонер[1] прогуливающийся между всевозможными социальными и не социальными теориями как в своем собственном саду, но не успевающий применить ни одной, одним словом, всегда что-то задумывающий и предпринимающий, но не умеющий довести ничего, не говорим до конца, но даже до истинного начала настоящего дела.

Поэтому, скажут, Человек чрезвычайно невинный! Да, пожалуй, невинный, только преследуемый нашим правительством с ожесточением, которое едва бы оно применило против самого несомненного преступника. Без малейшей видимой причины хватает оно этих странных революционеров десятками, иногда сотнями; без всяких улик и доказательств, держит их целые месяцы, годы в тюрьме или крепости, и ссылает большей частью потом административным порядком своего спокойствия ради, на медленную смерть в соседстве с северным полюсом. А если найдется на каком-нибудь несчастная бумажка компрометирующего свойства, т. е. в сущности самая невинная, или запрещенная книжка, то отправят его на несколько лет каторги в Сибирь.

Значит мученики? Да мученики, но вместе с тем и бездельники, в том смысле, что, разве только за весьма, весьма редкими исключениями, ни один из них не только не начинал, но даже не смел или не умел задумать настоящего революционного дела.

Это чувство собственного безделья, или, выражаясь учтивее, это сознание своей невинности должно делать невыносимо тяжелым мученичество наших мучеников в тюрьме, в ссылке, на каторге. А между тем число их увеличивается ежедневно. Значит правительство право; юноши наши играют в игру отнюдь не невинную. Невинные игры никогда не продолжают так долго, они скоро утомляют и неспособны бы были устоять против такого гонения. За невинностью неопытных начинаний нашей революционной молодежи скрывается поэтому упорная, постоянно растущая страсть. – А где есть такая страсть, там будет и дело.

Пассивное мученичество, достойное только религиозных фанатиков, опротивело наконец нашим молодым революционерам. Они спросят себя, стоит ли из-за пустяков портить всю жизнь, обрекая ее на все правительственные мытарства? Не лучше ли оставить пустую революционную болтовню, бессмысленную и бесцельную агитацию, и заняться наилучшим

устройством своей собственной жизни принимая за точку отправления, отнюдь же не как предмет разрушения, настоящий порядок вещей?

На этот выход, пожалуй, найдется охотников много. Значительное количество юношей сделались, или вернее, назвали себя революционерами сами не ведая как и зачем, большей частью увлекаясь общим стремлением, модой и собственным тщеславием, а также резонерскими выводами из отвлеченных начал, столь могуче действующих вообще на юношество: они доболтались до революции, и из одного только стыда перед товарищами продолжают называть, да стараются вообразить себя революционерами и даже стараются опередить всех других беспощадною яркостью и яростью своих мнений. О этого не выдержат долго, и лишь бы только перед ними открылась возможность возврата, они непременно вернутся в стан мирных и счастливых эксплуататоров рода человеческого. –

Но в том то и дело что далеко не для всех открыта эта возможность. А в России, можно сказать – и мы считаем это обстоятельство чрезвычайно счастливым... [не хватает двух страниц рукописи][2]

Надо было, отчаянным усилием, перескочить через эту пропасть, и вот наконец наша молодежь, достаточно испытавшая тщетность всех других путей и попыток, решилась идти в народ.

Мы говорим, что это подвиг спасательный, но вместе с тем и чрезвычайно трудный. Это уже не фантазия, не детская игра и не дешевое Византийское резонерство, не теоретическое рассуждение, а действительный факт и к тому же такой значительный факт, что его можно назвать историческим. Это по крайней мере начало действия практического, первый решительный шаг к настоящему революционному делу.

Мы сказали, что это подвиг чрезвычайно трудный, да и в самом деле трудный в двойном отношении, и в отношении к тому, от чего решается оторваться, и в отношении к тому к чему хочешь привязаться.

Так как между обществом и народом пропасть, то идти в народ не иначе возможно как отказавшись совершенно и раз навсегда от общества от всех связей, нравственных отношений, чувств, мыслей, привычек и материальных выгод его, от всех общественно-оживленных форм жизни, столь мягких, столь привлекательных и столь соблазнительных, хотя и проникнутых ложью и маскирующих большей частью циничный эгоизм и грубейшее отрицание всего, что может назваться истинно человеческим, доблестным и прекрасным. Но люди, родившиеся в привилегированном обществе, воспитавшиеся в нем, или прожившие хоть несколько лет в соприкосновении с ним, так проникаются этим тлетворным изяществом отношений и жизни, так тесно сживаются с ним, что для них отказаться от этого мира, для того чтобы погрузиться безвозвратно в грубый мир бедной, постоянно и всюду забитой народной жизни составляет действительный подвиг. В мысли он может показаться легок, в действительности он чрезвычайно как труден.

Но эта отрицательная трудность, совершенного отречения от общества, ничто в сравнении с другой, положительной трудностью, действительного слияния с народом.

Как идти в народ? Как с ним сойтись, как приобрести его доверие, и что делать в его среде?

Иные – заметим, впрочем, к нашему немалому удовольствию, что число их значительно уменьшается – иные думают еще что они призваны учить народ, и собираются не на шутку поделиться с ним своей мудростью и научить его всем наукам. Ну этим господам и книги в руки, они неисправимы, потому что вечно занятые собой гораздо более чем даже наукой, они знают и слушают только себя, пленяются своей собственной однообразной и безотрадной песнью, и ничего вокруг себя не видят и не понимают; они издают журналы под названием «Вперед», в то время как всеми силами тянут назад, и тешат себя как старые дети.

Пусть тешатся, бедные, и пусть тешат всех им подобных, пусть уверяют народ, что ему необходимо пройти все науки от азбуки до арифметики, от арифметики до дифференциалов и от дифференциалов до социологии, для того, чтоб стать народом счастливым и свободным, и что до тех пор, пока он не научился всему, он должен смиренно сидеть на школьной лавке и не помышлять о бунте. Проповедовать такой вздор, они называют «шевелить мозгами», курам на смех!

Но оставим самолюбивых педантов, ученых и недоучившихся шарлатанов. Обратимся к добросовестным людям, которые убеждены еще до сих пор, что надо поучить народ прежде, чем говорить ему о свободе. Заметим им прежде всего, что они далеко еще не перескочили через пропасть отделяющую, как мы видели выше, общество от народа, и что они продолжают жить, думать и действовать по ту сторону пропасти, в обществе, со всеми высокомерными предрассудками его против народа.

Потом спросим их, чему и как они хотят учить народ? Хотят ли они научить его только грамоте, т. е. читать, писать, считать, с прибавлением краткого катехизиса и еще более краткой к тому же вымышленной историей России? Одним словом, тому, чему учат в наших народных школах, там, где существуют народные школы? Что же, грамота вещь чрезвычайно полезная, даже необходимая для народа; Только заметим, во-первых, что хотя она и дает правое, впрочем весьма еще слабое развитие мыслительной способности народа, она, взятая отдельно, не есть еще наука, а только дверь в науку; и, во-вторых, что для того чтоб научить семидесятимиллионный народ грамоте, их средства и силы далеко недостаточны для успешного достижения этой цели, при настоящих обстоятельствах, при настоящем политическом и экономическом устройстве русского царства, необходимо бы было употребить значительную часть всех государственных доходов, да кроме этого получить милостивое соизволение правительства, потому что такое громадное предприятие как школьное обучение целого народа втайне совершенно быть не может. Но всем известно что государственные средства России употребляются на предприятия и дела, которые не имеют ничего общего с обучением народа, и что правительство всемилостивейшего Соизволения не только не дает, но издало напротив самые строгие предписания и продолжает принимать самые тщательные и действительные меры, для того чтобы возбранить людям не призванным, т.е. не чиновным и не определенным самими властями для обучения народа, всякое вмешательство в дело образования его.

И что ж, мы должны признаться, что правительство, со своей точки зрения, право. Оно должно желать, чтобы народ оставался в вечном послушании, и чтобы он безропотно нес все тягости, которые вздумается ему навалить на его плечи. Для этого необходимо чтоб народ никогда не мог узнать своего права, ни своей силы, и чтобы вечно оставался задавлен сознанием своего бессилия и верой в единое право и в непобедимую силу Царя. Но большинство молодых людей предлагающих свои даровые услуги в деле образования народа, поставили себе, как известно, первой целью – и это делает им большую честь – освобождение народа от государственных предрассудков. Вместе с букварем, они стали объяснять ему его права, и доказывать, что настоящая сила не в государстве, а в нем, и что если бы он только захотел, встал дружным бунтом, то все мучители, притеснители и кровопийцы его полетели бы к черту. Это несомненная истина, но истина, которую никакое правительство переварить не может, и потому весьма естественно, и с государственной точки зрения даже законно и похвально, что правительство наше сначала закрыло все воскресные школы, потом приняло еще более строгие и действительные меры для прекращения проповеди столь опасной для государственного существования.

Что же делать? – Иные, пожалуй, скажут, что надо на первое время ограничиться обучением народа сухой грамоте и воздержаться от всякой революционной пропаганды. Тогда само правительство, убедившись в благонамеренности и безопасности такого учения, перестанет мешать ему. Ну это еще весьма сомнительно, но положим, что будет так, что же будет потом? «А потом», ответят нам наши мирные и благонамеренные реформаторы, «народ, хоть немного развившись обучением грамоте, сам дойдет понемногу до осознания своих прав и силы».

Эти господа думают, что знание грамоты способно дать революционное направление народу. Если бы было так, то немцы, без сомнения, самый грамотный народ в Европе, был бы вместе с тем и самым свободным. Но кто не видел, что горькие слова высказанные Бёрне в 1830-м году, до сих пор, и ныне более чем когда-нибудь, остаются истинными: «другие народы бывают часто рабами, но мы, немцы, всегда лакеи» – т. е. вольные рабы, рабы по убеждению. – Нам кажется, что этого примера достаточно чтобы положить конец всем рассуждениям о тайной революционной силе, будто бы скрывающейся в грамотности.

Повторяем, грамотность – драгоценная вещь и совершенно необходимая для всякого народа. Но чрезвычайно нелепо думать, что многомиллионная масса русского народа может в настоящее время, в настоящем положении своем ей обучаться, или что, если бы этот народ, не знаю каким чудом, мог сделаться вдруг грамотным, этого было бы достаточно, чтобы дать ему способность, охоту и силу для совершения спасительной революции.

А если это справедливо в отношении к простой грамоте, что же сказать о науке? Какими средствами, где и когда станете вы обучать наш бедный, измученный, голодный, забитый народ геометрии, тригонометрии, алгебре, дифференциалам, механике, астрономии, физике, химии, физиологии? Кажется, что достаточно поставить этот вопрос чтоб высказать нелепость такого предприятия. Да большинство, и можно сказать, лучшие между вами, по крайней мере, в революционном отношении, сами лишь только очень поверхностно знакомы со всеми этими науками, каким же образом станут они обучать им? А если они должны будут доучиться им сами, прежде чем идти в народ, ну тогда можно сказать, наверно, что

они в народ не пойдут.

Да не подумают, что мы отвергаем или презираем науку. Мы не хуже других знаем, что способность и стремление к науке, т. е. к систематическому познанию существующего мира, составляют именно те главные свойства, которыми человек отличается от других животных. Но мы говорим, что кто чувствует в себе особое призвание к науке, неотразимое стремление к ней, тот должен отдаться ей вполне и отказаться от революционной деятельности. Мы не откажем в полнейшем уважении такому человеку – и ведь таких людей, настоящих, производительных, новые области знания открывающих, ученых, всегда бывает очень немного – да, мы признаем вполне пользу, приносимую им человечеству, и только требуем от него, чтобы он отнюдь не метался в наше революционное дело, в которое он кроме глупостей и вреда ничего принести не может. Если он человек справедливый и честный, если в нем бьется сердце живое, и, если научные занятия не убили в нем сострадания к ежедневной беде и к унижению чернорабочих масс, он может симпатизировать революционным движениям, как это делал Кант преподавая философию и математику в Кенигсберге, но ради революции и ради его самого, он не должен метаться в революционное дело.

Наука требует всего человека, и революционное дело также требует всего человека; оба мира, один теоретический, другой практический, равно громадны, и делить между собой одного и того же человека они не могут. К тому же методы их совершенно различны. В науке царствует и должна преобладать критика и сомнение. В революционном же деле, вместе с холодным обсуждением людей и положений, разумеется, необходимым, без страстной воли и веры не сделать ничего. Эта разница методов и порождаемых ими привычек объясняет нам почему, всякий раз, когда ученые принимали участие в революционном движении, они являлись самыми жалкими революционерами и становились почти всегда под конец отъявленными реакционерами.

Мы говорим здесь о настоящих ученых, а не о шарлатанах науки, которые, на подобие почтенному издателю «Вперед», говорливому и трудолюбивому сборщику и сопоставителю фактов и чужих, большей частью друг другу противоречащих, мыслей, без всякой собственной мысли – равно бесплодны, как для науки, так и для революционного дела.

«Что же, спросите, вы советуете нашим молодым революционерам ничему не учиться и позабыв даже все что они знали, стать круглыми невеждами для лучшего уравнения себя с народом? Нет, мы отнюдь не даем им такого совета. Мы, напротив, скажем, читайте, учитесь, во все свободные минуты, оставляемые вам революционной деятельностью, которой разумеется вы должны посвящать большую часть вашего же времени, расширяйте по возможности ваше познание и вместе с ним расширяйте и укрепляйте свою мыслящую способность, старайтесь развить в себе драгоценную способность разобщения вопросов и фактов, способность которой именно недостает у народа, и которую Вы должны принести ему взамен того, что он дает вам. Будьте людьми образованными, много и хорошо-знающими, только не учеными. Ученые учатся для науки, вы же должны учиться для революции, и иметь постоянной целью извлечь наибольшую пользу для революционного дела из всякого вновь приобретенного познания. Например, если вы механик, инженер, физик или химик, старайтесь изобрести новые разрушительные средства, которые бы дали

безоружному народу возможность бороться против страшно организованной государственной силы. Одним словом, что политехники наши делают в пользу фабричной промышленности, вы должны делать в пользу революционного дела.[3]

Ну, и что скажем мы о Науках, имеющих предметом развитие человека в обществе, и которые французы называют «науками нравственными» (*les sciences morales*) в противоположность физическим наукам? Что скажем о филологии, эстетике, метафизике, юриспруденции, политической экономии, статистике, истории, и наконец, о новой так называемой социальной науке? Какую пользу они могут принести народу в настоящее время? Филология, разумеется, не принесет никакой; время ли говорить о филологии, когда у народа нет ни средств, ни досуга для изучения простой грамоты! То же можно сказать и об эстетике, и воскликнуть вместе с Прудоном: дайте сначала народу хлеб, а потом уже говорите с ним о красоте. Метафизика, младшая сестра и преемница богословия, имеет предметом существа недействительные, мнимые, созданные воображением и отвлеченной мыслью человека – отвлеченности, привидения и тени, во имя которых доселе смущали и пугали народ для вящего его усмирения. Значит ничто так непротивно народной свободе и благу как метафизика, настоящая же, реальная философия, основанная на действительном, а по возможности всеобъемлющем изучении всех естественных и общественных фактов, и воссоздающееся в мысли действительное развитие мира действительного – наука наук, венец всех наук – эта философия находится еще в самом первом периоде своего зарождения. Значит, для народа она уже совсем недоступна и не может принести ему ни малейшей пользы. Политическая экономия, так как она преподается в университетах и излагается в книгах известнейших буржуазных экономистов, настоящих и прошедшей, принимая за основание юридическое положение о праве собственности, и, заимствуя у богословия и у метафизики столь же ложное изложение об инстинктивном и будто бы неотвратимом отвращении человека ко всякому труду, и о необходимости нужды или палки для того чтобы заставить его работать, приходит естественным образом к тому заключению, что настоящее положение народных масс есть совершенно законное и нормальное, и что все европейские государства, по крайней мере самые просвещенные между ними, быстро подвигаются вперед на пути народного благосостояния и прогресса.

Нельзя, впрочем, отрицать что политическая экономия, по крайней мере на половину, наука весьма реальная, и что бы она, как таковая, не принесла большой пользы. Предмет ее самый реальный: производство и распределение богатства, и она, в самом деле, на основании огромного множества экономических фактов, прошедших и настоящих, и с удивительной ясностью и точностью, чуть ли не математической верностью изложения, показывает нам каким образом происходило и происходит ныне развитие так называемого народного богатства в государствах, указывая вместе с тем на причины способствующие ему, а также и на причины ему препятствующие. Вся ошибка ее, но ошибка громадная и, можно сказать, роковая, состоит в том, что она, находясь под прямым влиянием богословия, метафизики и юриспруденции, стремящихся естественным образом к обоготворению того, что было и есть, вывела ложное заключение из прошедшего и настоящего против будущего. Вместо того чтобы довольствоваться более скромной, но вместе с тем и несравненно более полезной ролью критической истории развития производства и распределения богатств по сие время, она приняла на себя роль науки абсолютной, вследствие чего и решила, что то что было и есть, всегда будет и должно быть.

Таким образом, она обрекла на вечную нищету и на вечное унижение, на вечную каторгу, бесчисленные миллионы чернорабочего люда. Да, обрекла совершенно сознательно, потому что, путем математической аргументации, она сама дошла до страшного заключения: что так называемое преуспевание и умножение народного богатства в государстве имеет и должно иметь неотвратимым результатом все большее и большее сосредоточение этого богатства в руках постоянно уменьшающегося количества немногих счастливцев в ущерб миллионам людей. Значит, уродливо громадное богатство нескольких сотен людей, с одной стороны; с другой, каторжная нищета миллионов; а между ними, несколько десятков, или пожалуй сотен тысяч людей, тварей преданных и проданных денежным олигархам, кормящихся от крох, падающих от их роскошных столов, и употребляемых ими для стрижения и для управления народного стада. Вот последнее слово политической экономии, и это слово проводится ныне в действительность великими государственными людьми вроде князя Бисмарка и других – она объясняет все значение современного государства, всемогущего покровителя и вместе с тем слуги экономической монополии.

Нет сомнения, что людям посвящающим себя служению народному делу, очень полезно знакомство с этими последними выводами экономической науки, полезно хоть уже в том отношении, что оно спасет их от горького заблуждения, в которое впадают нередко благонамеренные люди, воображающие еще поныне, что путем кооперативных потребительных и производительных товариществ, народных банков или обществ для взаимного вспомоществования можно дойти без революции, без насильственного разрушения настоящих порядков, до мирового разрешения социального вопроса.

Но для того, чтоб познакомиться с этими выводами, нет надобности становится ученым экономистом. Достаточно прочесть одно или два из новейших экономических сочинений, или даже просто несколько из главных речей и брошюр Лассаля, самого счастливого и добросовестного популяризатора экономической науки, за последнее время, а еще лучше, достаточно взглянуть пристальнее в ежедневные факты происходящие перед нашими глазами, для того чтобы убедиться в непреложной истине вышеуказанных выводов, с такой же законной и непоколебимой достоверностью, с какой люди, совсем незнающие астрономии, ныне не менее убеждены, что не солнце вертится вокруг Земли, а Земля вокруг солнца. Если бы мы для проверки всех систем, которые вследствие привычки стали для нас аксиомами, должны бы были повторить громадную работу людей, впервые их открывших, или далее развивших, то можно быть уверенным, что мы, задавленные необъятностью этой просто невозможной работы, не дошли бы сами ни даже до самой простой из этих истин.

Не ясно ли что экономическая наука в настоящее время не может существовать для народа. Да, она, по крайней мере в настоящее время, совсем и не нужна ему. Народ наш и без всякой науки по горькому опыту знает, что ему очень плохо, и что положение его таково, что работай он хоть в десять раз больше, все-таки он богаче счастливее и свободнее не будет, за исключением может быть некоторых счастливцев, крестьян или мещан-кулаков, успевающих разными ухищрениями, правдой, а больше неправдой, выбраться из несчастных рядов люда поработанного в ряды его эксплуататоров и поработителей. Все это народ знает отлично и без политической экономии, значит эта наука ему не нужна.

То же можно сказать и о статистике, так тесно связанной с политической экономией и относящейся к ней как анатомия и патология относятся к физиологии. Как политическую экономию, так и статистику в настоящем виде ее можно назвать наукой для привилегированных классов, богатством, движением и преуспеванием которых она занимается, мало обращая внимания на участь чернорабочих масс. Главный предмет ее – Государство: отношения военных, морских и сухопутных сил в разных Государствах, их финансовое положение, их долги, доходы и расходы, отношения ввоза и вывоза, движение торговли внутренней и внешней, направление мануфактурного и земледельческого производства, разного рода пути сообщения, число фабрик, университетов и других учебных заведений и, пожалуй, даже народных школ, распределение народонаселения по национальностям и по вероисповедованию, степень его умножения, средняя долготы лет, степень и относительная численность преступлений в разных государствах и т. д. – вот чем статистика наполняет большей частью свои графы. О настоящем же положении чернорабочих миллионов людей, выносящих на измученных плечах своих всю славу, величие, могущество, богатство этих государств, всю тягость материального и умственного прогресса привилегированных классов; о их безвыходной нищете, их каторжной жизни, о невольном невежестве систематически поддерживаемом министерствами просвещения, о лишениях бесчисленных порождающих болезни и преждевременную смерть, обо всем этом вы ничего почти не найдете в самых лучших и подробных статистических сочинениях; и, если, после тщательного, кропотливого изыскания в каком-нибудь угле многотомного сочинения, Вы и найдете кое-какие факты обнаруживающие до некоторой степени как бы против воли ученого сочинителя, бедственное состояние народных масс, то все этого еще недостаточно для того чтоб вывести полное заключение. Ясно что господа статистики преднамеренно отвращают свое внимание и внимание читателей от этих фактов. Только в одной стране были они обнаружены с должной добросовестностью и полнотой. А именно в Англии, где, благодаря парламентским комиссиям, честно исполнявшим возложенное на них поручение, в рапортах опубликованных по приказанию парламента, обнаружилась наконец страшная нищета английского пролетариата. Это много способствовало к усилению рабочего движения в Англии.

Благодетелем человечества и истинным другом народа назвали бы мы ученого статистика, который бросив несносную и бесплодную возню с государствами и с их официальными и привилегированными прогрессами, отдался бы весь исследованию настоящего положения народных масс, во всех отношениях, и в сочинении написанном просто и общедоступном по дешевизне, по слогу и по логичной ясности изложения, выставил бы это ужасное положение во всей его наготе, перед глазами просвещенного мира.

Такое сочинение было бы разумеется написано не столько бы для народа, огромное большинство которого не могло бы его прочесть, сколько для множества нерешительных или еще нерешившихся, хотя и честных людей, привилегированных классов – нам кажется, что чтение такой книги было бы достаточно для того, чтобы побудить их идти в народ, не для того только чтобы делить с ним горькую участь, но для того чтобы подвинуть его к единственно спасительному бунту.

Впрочем, и на сам народ появление такой книги могло бы иметь если и не прямо и не непосредственное, то по крайней мере передаточное влияние. Один итальянский знакомый

наш, полу-ученый, человек довольно справедливый, но чрезвычайно умеренный и много занимавшийся этим вопросом, сказал нам что он, сравнивая среднюю долготу жизни пролетариата городского, а особенно крестьянского, со средней долготой жизни привилегированных классов в Ломбардии, дошел до таких страшных результатов что побоялся опубликовать их, и на вопрос [мой] почему? отвечал: «Народ пожалуй взбунтовался бы» –

Напрасно было бы ждать, что скоро найдется такой благодетельный и вместе с тем ученый статистик, чья гениальная мысль способна была бы обнять действительное положение целого народа, а честная воля которого дерзнула бы обнаружить его во всей наготе. Да и зачем ждать его, можно заменить огромное сочинение множеством небольших монографий, из которых каждая бы рассказала и выяснила бы до последней подробности действительную жизнь небольшого угла нашего пространного отечества, губернии, уезда, волости, села, деревни, наконец хоть одной избы, имея разумеется всегда в виду главным образом жизнь, страдания, лишения, работу, страхи, надежды и заветную мысль или фантазию чернорабочего, сельского и городского населения. Это создало бы драгоценный материал для революционной статистики русской земли, и было бы действительным началом совершенно новой, живой и истинно народной науки.

Благодаря отеческим попечениям нашего правительства, в настоящее время множество молодых людей, способных и делу нашему преданных, разбросаны по всем частям, концам и углам России.

«... от Перми до Тавриды,

от финских хладных скал до пламенной

Колхиды,

от потрясенного Кремля до стен

недвижного Китая»[4] –

включая, разумеется, всю Сибирь, живут в тяжелом одиночестве и в принужденном, еще более тяжком безделье, наши друзья, оторваны, от своего первобытного мира и брошенные в мир чужой, лишенные всяких средств для жизни, и отданные на произвол полицейских опекунов и надсмотрщиков, они не знают, что начать, как начать и что делать. И так, на первое время, за неимением другого дела, отчего бы каждый из них не поставил себе задачей, изучение до последней и мельчайшей подробности, столько же в отношении нравственном и умственном, сколько и в материальном, того уголка к которому его приковали. При этом, главным образом, сказали мы, нужно обращать внимание на жизнь чернорабочего люда, но не нужно также терять из виду и другие слои населения, например, из чиновного мира, имеющих столь непосредственное влияние на судьбу пролетариата.

В этом изучении не пренебрегайте никакими мелочами. Мелочи, ежедневно повторяющиеся, нередко бывают важнее и замечательнее крупных фактов, из которых вы, разумеется, не оставите ни одного без должного внимания. Изучив до возможной подробности

материальную жизнь простолюдинов, вас окружающих, постарайтесь проникнуть в их душу, в их нравственные и умственные коллективные привычки, в их разнообразные общественные и семейные отношения, а также и в тайный смысл их отношений к другим сословиям и к начальству. Что они думают о своих правах и о своих обидах, в которых, разумеется, нигде нет недостатка в России – чего желают, чего надеются и ожидают ли чего-нибудь? И от кого? – что говорят и что думают о Царе, к которому несомненно отношение нашего народа изменились к лучшему, с тех пор как благополучно царствующий император Александр II занялся делом освобождения его[5] – мы убеждены в том, что вера в царя, за последнее время, значительно упала в народе нашем.

Довольно близко ознакомлены мы с жизнью и с образом мыслей других сословий, для того чтобы приблизительно отгадать, что человек, взятый из определенного круга, будет думать, говорить и делать при известных обстоятельствах. Мы не можем сказать того же самого о нашем городском народе, особенно же деревенском, потому что тайник его мыслей, представлений и чувств для нас недоступен, самый предел его мышления для нас до сих пор непонятен. Проникнуть в этот тайный родник его нравственной и умственной жизни, познать процесс народной мысли, узнать, что думает, как думает, чего надеется, ждет, хочет русский народ – вот главный и, скажем, единственный предмет живой, революционной науки в настоящее время. Когда мы овладеем им, мы будем несравненно сильнее.

(Здесь рукопись обрывается)

1873 г., Швейцария.

[1] персонаж пьесы, который не принимает активного участия в развитии действия и призван увещевать или обличать других героев, высказывая длинные нравоучительные суждения с авторских позиций.

[2] Имеется второй вариант последующего текста (страниц 5-7, страниц же 3-4 нет в архиве), впрочем, не сильно отличающийся:

"Надо было, отчаянным усилием перескочить через эту пропасть, и вот наконец наша молодежь, испытавшая достаточно перед тем тщетность попыток и средств, решила идти в народ. Мы говорим, что это подвиг столько же трудный, сколько и спасительный. Это уже не фантазия, и не теоретическое рассуждение, это начало действия, первый решительный и к тому же совершенно практический шаг к революционному делу. Идти в народ значит бросить общество уже давно осужденное теоретически, но от которого теперь, во всех отношениях, надо отказаться практически, – отказаться от всех выгод, привычек и связей его, от той развращающей но вместе и сладостной мягкости внешних отношений и жизни, от тлетворного изящества форм за которыми, правда, большею частью, ничего не скрывается ныне кроме самой отвратительной лжи, цинического эгоизма и грубейшего отрицания всего что может назваться истинно человеческим доблестным и прекрасным, но к которым люди родившиеся и воспитанные в этом обществе, или даже хоть немного вкусившие отравы его, обыкновенно привыкают так сильно, с которыми они так тесно сживаются, что для них отказаться от этих соблазнительных форм составляет

действительный подвиг.

Мало того надо еще и прежде всего отказаться от того глупого, ученого высокомерия, с которым люди, считающие себя образованными и развитыми обыкновенно смотрят на безграмотную чернь. они думают, что они призваны учить народ. Но чему станут они его учить? Грамоте? Дело полезное, только жаль, что правительство приняло самые действительные меры чтобы не допустить их до обучения народа. Ну а после грамоты что? Науки положительные и естественные: математика, механика, астрономия, физика, химия, физиология и т.д.? Никто не станет отрицать важности этих наук, но, оставив даже в стороне меры правительства, мешающего распространению какой бы то ни было науки в народе, не ясно ли что для самого народа, в настоящем положении его, все эти науки решительно недоступны поэтому и бесполезны. Он не приготовлен к ним, да и некогда ему заниматься ими. Иные из них, например, механика, физика, химия могли бы дать ему новые разрушительные средства для борьбы против научно организованных правительственных сил; могли бы если у него было достаточно досуга и денег для того, чтобы рядом дорогих опытов изыскивать эти средства. Ну а так называемые нравственные науки (sciences morales): философия, история, право, филология так проникнуты еще богословскою и метафизическою ложью, что их и науками-то почти нельзя назвать – социальная же наука, наука экономии и вольной организации народных масс просто еще не существует. Все что есть, это критика, более или менее ученая, настоящего общественного устройства. Но что в этом устройстве народу плохо, очень плохо живется, это знает народ и без всякой науки, и что он должен делать и как должен устроиться для того, чтоб ему было хорошо этого его наука не показала. Чему-же будут учить народ?

Мы отнюдь не презираем и не отвергаем науку, зная не хуже других что наука, способность и стремление к науке составляют именно те главные свойства, которыми человек отличается от других животных. Но мы говорим, что кто хочет заниматься наукой, тот должен отказаться от революционной деятельности, потому что она с ней не совместима – наука требует всего человека, революция также требует всего человека, делить его между собой они не могут. К тому же методы их так различны, что серьезное занятие одной из них делает человека к другой решительно неспособным. Это нам объясняет почему всякий раз, когда ученые пытались принять участие в революционном деле, они становились самыми печальными революционерами, а большей частью отъявленными реакционерами."

[3] Далее имеется текст, который Бакунин зачеркнул:

"Ну, а что скажем филологам, юристам? Первым, что все их знание народу в настоящее время никакой пользы принести не может; а вторым, что их мнимая наука, положительный яд, от которого они должны сами очиститься, прежде чем идти в народ. Историкам посоветуем точно также освободиться от метафизической и юридической лжи, которой проникнуты большая часть исторических сочинений и обратить особое внимание на знаменательный и столь же несомненным факт, что во все время и повсюду дела великие, плодотворные, спасительные для человечества были совершены не учеными, а смелыми людьми, почерпнувшими мудрость, не столько из книг, сколько из глубин народной жизни.

Что же скажем мы нашим доморощенным социологам, подборникам какой-то мнимой, скорее еще не существующей социальной науки?"

[4] Стихотворение Пушкина «Клеветникам России», в которой он защищает действия России в подавлении польского восстания 1830 года от нападок французских депутатов и массовой кампании, призывавшей отправить войска на помощь полякам.

[5] Имеется ввиду отмена крепостного права.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 21 июня 2025 22:23:53

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 21 июня 2025 22:25:15